

* * *

Серебрится мехом нерпы
Степь и старый мост.
Под корой граната неба
Зреют зерна звезд.
Словно чашка в синем блюде,
Встану я в полях.
Пусть в тиши во мне сольются
Небо и земля.
О земные черепицы
Точит месяц рог.
По небесной половице
Ходит светлый Бог.

* * *

Канул февраль без остатка
В непроходимостях троп.
Ветер ложится с устатку
На ноздреватый сугроб.
Тихо, не скрипнет телега,
Ночь опустилась на дно.
Белые бабочки снега
Бьются и бьются в окно...

* * *

Лови меня, а хочешь — не лови...
Неуловима я, как дождь капризный.
Вся соль степей живет в моей крови,
И на губах моих вся горечь жизни...

Еще лечу шальным ветрам вослед
И ощущаю листьев тихий лепет,
И слышу, как на черный белый свет
С немых небес слетает снега пепел...
И пусть порой в лицо сечет ветла,
Стихи в тиши теряют звук и голос,
Меня уже не выбить из седла —
От стыни крепну, словно волчий волос.

* * *

Пролился утренний кумыс
На сарафан небес.
В стихи добавлю куркумы,
Шафрана, перца смесь.
...Но нет, не пишутся стихи,
Захлопнута тетрадь.
Хоть масло влей, слова — сухи.
Не стоит подавать.
А вот когда придет зима,
Задует мне свечу,
От тишины сойду с ума,
Качнусь и полечу...
Тогда придет стихов черед
И снег, без лишних слов,
За мной качнется и падет
На головы домов.

* * *

Божий свет над деревней потух,
Скот не кормлен, и нивы не сжаты.
И от голода даже петух,
Не поет, а ругается матом.
Перечеркнуты окна в домах,
В небеса — перекошены двери.
Пустотою полны закрома,
А сердца — беспросветным безверьем.
Лед не тает, летает снежок...
Но запахло весною погожей.
Надо б только от края шажок,
Дальше — легче. Дай силы нам, Боже...

* * *

Снеговая тьма легла —
Не видать ни зги.
Смотрят тени из угла,
Давит боль виски.
В гулкой дали бесов слет,
Неба горек вкус.

Оттого ль на черный лед
Я ступить боюсь?..
Оттого ль была вчера
С ветром заодно,
А сегодня вновь с утра
Дышит тишью дно.
Пусть просвета в жизни нет,
Но поет сверчок.
Нарисую в окнах свет,
Заварю чаек.

* * *

Я по горло стою в небесах,
Ничего в этой жизни не надо.
Все заслуги мои — на весах,
Все дороги открыты для ада.
Чую сердцем — я жизнь допою,
Вскроет небо к забвению вены.
Сколько можно мне жить на краю,
Будто край — переход к переменам...
Боже правый, где правда, скажи
В этом стынью обугленном веке.
Вышли солью из горла души
Слов моих пересохшие реки.

* * *

Кровь степная в жилах — степи от порога,
Сердцем принимаю соль и боль села.
Не сойти с дороги, если ты — дорога,
Не попасть под стрелы, если ты — стрела.
Мне не надо моря и не надо лета,
Здесь живу открыто, душу не тая.
И на кромке Света есть соломка света,
На которой можно твердо устоять.

* * *

Врастая в небо корнями веток,
Деревья сдят целебность сини.
Горчичный пепел стряхнет осина,
Луна на дынях оставит слепок.
По поворотам устав шататься,
Накрывшись дерном, заснет дорога.
Из всех пернатых одна сорока
Все утро будет со мной ругаться.
Оставив четверть тепла и света,
Октябрь выпьет всю жирность солнца.
То — завтра... Ныне, на самом донце,
Горит последней песчинкой лето.

* * *

Не знаем, что будет — огонь или лед,
Где выпадет крылья сложить.
А если бы знали мы все наперед,
Была б интересною жизнь?
Неясно, какая заглохнет из троп,
Все вьются и манят — пойдём!
Где дерево — лодка, где дерево — гроб,
Не видно в лесу молодом...

* * *

За пядью пядь, все сорок пять годков
Я уступила без борьбы былому.
Пришел октябрь и смел в стога солому
Любви, страстей, поджег и был таков...
Качнулась влево чаша бытия,
Токсична осень — скука душу точит.
То в междуречье, то вдруг в междустрочье
Мелькнет порою неба колея.
А по весне... в душе растает лед,
И жизнь вокруг затеет перемены.
Апрельский ветер рекам вскроет вены,
И к водопою ивы поведет.

* * *

Почат январь, собрали конфетти,
В пустом доме одна не заскучаю:
К обеду Зойка сойкой залетит,
Расскажет все известия за чаем.
Под вечер дом теплеет, как душа,
И трель сверчок на нитку ночи нижет.
Перед рассветом, крыльями шурша,
Стихи с небес слетаются на крышу.
И хорошо, что город далеко.
Живи себе, да печь топи на благо.
Есть тишь и свет, есть мед и молоко,
И два пути — до неба и продмага.

* * *

Я горькою судьбой обожжена,
Мне так нужны большие перемены...
На все взыванья к Богу — тишина,
И ангелы мои глухи и немы.
А час придет — не все заплачут вслед,
Бываю я, как сад, все время разной:

Кому-то заслоняю белый свет,
Кого-то в будни радую, как праздник.
И так живу, без злости и обид,
Люблю людей на свадьбе и на тризне.
А то, что Бог со мной не говорит...
Поговорит, быть может, после жизни.

* * *

Оцинкован целый мир цинизмом,
Обесценен рубль, как стихи.
Блеет бес, болеет век нацизмом,
Лица улиц хмуры. Дни глухи.
Не робей... Смешай питье от страха —
Молоко и чай, как день и ночь.
На краю безудержного краха
Постояв, пойди от грани прочь
В глушь деревни, где, на дали глядя,
Вмиг отвыкнешь плакать и болеть.
Где тебя — поэта — ждут тетради,
Старый стул и лампа на столе.
На печи, на самой верхотуре
Отлежишься, крыльями шурша —
При такой живой температуре
От всего врачуется душа.
И, вобрав тепло и тишь селенья,
Светлячком вернешься в город тьмы,
Чтобы светом и стихотвореньем
Разогнать уныния думы.

* * *

На все четыре стороны — простор,
Окину взглядом — все полынь седая.
Порою здесь в безверье пропадаю,
Но я терплю, ветрам наперекор.
Вокруг меня задиры-петухи
Вновь дергают мои цветные перья.
Одно перо не трогайте, тетери,
Которым я пишу свои стихи.